

9. Tseytlin S. N. Oчерки po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. M.: Yazyiki slavyanskoj kul'turyi, 2009. 750 s.
10. Yureva N. M. Problemyi rechevogo ontogeneza: proizvodnoe slovo, dialog. Eksperimentalnyie issledovaniya. M.: IYaz RAN, 2006.
11. Argus R., Kazakovskaya V. V. Acquisition of compounds in Estonian and Russian: frequency, productivity, transparency and simplicity effect // Eesti Rakenduslingvistika Uhingu Aastaraamat [Estonian Papers in Applied Linguistics]. 2013. Vol. 9. P. 23–42.
12. Clark E. Acquisition of derivational morphology // Lieber R., Stekauer P. (Eds.). The Oxford Handbook of Derivational Morphology. Oxford: OUP, 2014. P. 424–439.
13. Dressler W. U., Kilani-Schoch M., Ketrez N. (Eds.). Nominal Compound Acquisition. Amsterdam, 2017. 310 p.
14. Gleason J. B. The child's learning of English morphology // Word. 1958. Vol. 14. P. 150–177.
15. Kazakovskaya V.V. Acquisition of nominal compounds in Russian // W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch, N. Ketrez (Eds.). Nominal Compound Acquisition [Language Acquisition and Language Disorders Series]. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 63–90.
16. Kazakovskaya V. V. Noun derivation in early Russian child speech (a case study) // Kognitivnye issledovaniya [Cognitive Studies]. Vol. 7. M.: Institut psihologii RAN, 2017. P. 67–77.
17. MacWhinney B. The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk. 3rd ed. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. 418 p.
18. Nagy W. E., Diakidoy I.-A. N., Anderson R. C. The acquisition of morphology: learning the contribution of suffixes to the meanings of derivatives // Journal of Reading Behaviour. 1993. Vol. 25 (2). P. 155–170.
19. Protassova E., Voikova M. Diminutives in Russian at the early stages of acquisition // Savickienė I., Dressler W. U. (Eds.). The Acquisition of Diminutives. A Cross-Linguistic Perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 43–72.
20. Snow C. E. Issue in the study of input: fine-tuning, universality, individual and developmental differences, and necessary causes // Fletcher P., MacWhinney B. (Eds.). Handbook of child language. Oxford: OUP, 1995. P. 180–193.

С. В. Краснощекова

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЕТЬМИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ И НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00650
«Семантические категории в грамматическом строе русского языка»

В статье рассматривается использование детьми отрицательных и неопределенных местоимений и анализируются эффекты, связывающие кванторные местоимения с областью дейксиса. Кванторные отрицательные и неопределенные местоимения в детской речи не имеют прямой связи с дейксисом, однако в некоторых случаях смыкаются с дейктическими и демонстрируют определенные дейктические эффекты. Связь с дейксисом прослеживается при употреблении эгоцентрических неопределенных местоимений со значением «известный говорящему» и отрицательного наречия «никак» на ранних этапах развития речи, а также в высказываниях с местоимением «какой-то», функционально близким к указательному «такой». Кроме того, периодизации освоения дейктических и кванторных местоимений имеют общие точки: приблизительно совпадают возрастные границы этапов.

Ключевые слова: детская речь, освоение языка, местоимения, дейксис, отрицательные местоимения, неопределенные местоимения.

S. Krasnoshchekova

DEICTIC EFFECTS IN THE CHILD USE OF NEGATIVE AND INDEFINITE PRONOUNS

*The research considers children's use of negative and indefinite pronouns and analyses effects that connect quantifier pronouns to the area of deixis. Quantifier negative and indefinite pronouns in child speech do not have any direct relationship to deixis, however, they join with deictic pronouns in several contexts and demonstrate deictic effects. We have found a certain relationship to deixis in the usage of egocentric indefinite pronouns meaning "known to the speaker" and the negative *nikak* 'noway', and in the utterances with the indefinite *kakoj-to* 'some', which is close in function to the demonstrative *takoj* 'such'. Moreover, the periodisations of acquisition for deictic and quantifier pronouns show points of convergence, and age brackets of the stages roughly concur with each other.*

Keywords: first language acquisition, pronouns, deixis, negative pronouns, indefinite pronouns.

Введение

Категория дейксиса охватывает широкий пласт языковых явлений. Одной из наиболее тесно связанных с дейксисом частей речи является местоимение. Принято выделять местоимения из нескольких лексико-грамматических разрядов в особый дейктический макроуровень. К дейктическим местоимениям относят личные и лично-притяжательные, возвратные, указательные, относительные. Разряды местоимений, не имеющие прямого отношения к дейксису, мы, вслед за С. А. Крыловым [4], называем кванторными. В их число входят вопросительные, отрицательные и неопределенные местоимения.

Основная цель данного исследования — выявить и продемонстрировать связь между дейктическими и кванторными местоимениями в онтогенезе, то есть обнаружить и описать дейктические эффекты при употреблении ребенком кванторных местоимений. Мы понимаем здесь дейксис широко: любая связь с полевыми структурами персональности, локативности, темпоральности (в терминологии функционально-семантического подхода А. В. Бондарко [1, 2]) определяется как «дейктический эффект». Вопросительные местоимения в речи детей здесь не рассматриваются, однако очевидна связь между недейктическими вопроси-

тельными и дейктическими относительными местоимениями. Большинство относительных местоимений формально совпадает с вопросительными [3], что позволяет объединять их в один разряд — вопросительно-относительные местоимения. Такая ситуация характерна для многих индоевропейских языков, особенно европейского ареала [12]. Неопределенные местоимения также демонстрируют известную непрямую связь с дейксисом. Так, Е. В. Падучева называет неопределенные местоимения в числе эгоцентриков — языковых единиц, связанных с субъектом сознания/речи (однако не с субъектом дейксиса, как личные местоимения) [7, 8]. Кроме того, о способности неопределенных и отрицательных местоимений в романских языках выполнять дейктическую и анафорическую функции сообщают исследователи итальянского и французского языков [5, 6]. Таким образом, граница между кванторными и дейктическими местоимениями не является строго очерченной.

Теоретическая лингвистическая основа: русские неопределенные и отрицательные местоимения

Объектом настоящего исследования являются неопределенные и (в меньшей степени) отрицательные местоимения в детской речи. Следует указать, что место-

именные наречия типа *никак*, *кое-где* и т. д. рассматриваются и анализируются вместе с соответствующими местоимениями. Мы полагаем, что функциональная близость местоимений и местоименных наречий позволяет объединить их; здесь и далее мы употребляем обобщенный термин «местоимения» по отношению к обозначенным языковым единицам.

Как неопределенные, так и отрицательные местоимения исторически сформировались на базе вопросительных; связь с вопросительными остается актуальной для современного взрослого носителя языка. Внутри разряда неопределенных местоимений существует несколько подразрядов (серий), различающихся по формальным и семантическим признакам. В некоторых работах предлагается рассматривать каждую серию как отдельный разряд (серия на *-то* — местоимения неизвестности, серия на *кое-* — слабоопределенные местоимения и т. д. [9, 10]), однако мы придерживаемся семантического подхода: местоимения каждой серии выражают одно базовое значение (*-то* = «неизвестный говорящему», *кое-* = «неизвестный слушающему, известный говорящему») и при этом способны в некоторых контекстах выражать другие неопределенные значения. При обозначении значений неопределенных местоимений мы пользуемся классификацией М. Хаспельмата: «конкретный референт, известный говорящему»; «конкретный референт, неизвестный говорящему» [13, с. 2] и т. д.

Отрицательные местоимения также включают две серии: на *ни-* (*никто*) и на *не-* (*негде*). В данном исследовании анализируются неопределенные местоимения на *-то*, *-нибудь*, *кое-* и отрицательные на *ни-*. Другие серии не рассматриваются: в нашем материале в речи детей и их взрослых собеседников не обнаружено неопределенных серий на *-либо*, *бы то ни* и *не-*; обнаружено одно маргинальное употребление местоимения *что угодно*; также не зафиксированы отрицательные местоимения на *не-*.

Материал и методы исследования

В качестве материала используются лонгитюдные записи речи четырех детей (Ваня, Витя, Лиза, Филипп). Записи речи представляют собой расшифровки аудио- и видеозаписей в формате CHILDES с морфологической разметкой, а также родительские дневники (Витя, Лиза). Все материалы были предоставлены Фондом данных детской речи РГПУ им. А. И. Герцена и ИЛИ РАН. Четыре проанализированных корпуса представляют собой наиболее полные по времени и объему массивы записей: охватывается возраст от 1,5 до 2,8 (Филипп), 5 (Ваня, Витя) и 6 (Лиза) лет.

Из расшифровок и дневников при помощи пакета программ CLAN были извлечены контексты с интересующими нас местоимениями. Основной корпус составляют 450 детских высказываний с неопределенными местоимениями и 250 высказываний с отрицательными местоимениями. Оба разряда являются низкочастотными в речи как детей, так и их взрослых собеседников. Доля отрицательных местоимений колеблется от 0,16% (Лиза) до 1,07% (Ваня) (доля высказываний с соответствующими местоимениями от общего числа высказываний ребенка в корпусе), доля неопределенных местоимений — от 0,07% (Филипп) до 1,79% (Ваня). В речи, обращенной к ребенку, наблюдается сходная картина: не более 2% высказываний с неопределенными местоимениями и не более 1,3% — с отрицательными. НКРЯ дает следующие результаты: 3,5% предложений с неопределенными местоимениями (от всех предложений в корпусе) и 3,8% предложений с отрицательными в основном подкорпусе; 4,2% и 2,7% соответственно в устном подкорпусе.

Таким образом, взрослые в речи, обращенной к ребенку, и дети в целом используют меньше неопределенных и отрицательных местоимений, чем взрослые в речи, обращенной к взрослому. Основной рисунок частотности тем не менее сохраняется:

и в устном подкорпусе НКРЯ, и в корпусах детской речи (кроме корпуса Филиппа) неопределенные местоимения частотнее отрицательных; серии неопределенных ранжируются по частотности так: *-то* — *-нибудь* — *-кое* (серия не обнаружена у детей).

Результаты исследования и их об- суждение

Возраст и периодизация

Неопределенные местоимения и большинство отрицательных возникают в речи детей в возрасте от 2,1 до 2,6. Отрицательное наречие *никак* появляется на несколько месяцев раньше и первое время используется в ситуациях, когда ребенок констатирует, что неспособен совершить какое-то действие, то есть выражает значение «не могу», «не получается».

Процесс освоения неопределенных местоимений можно разделить на два этапа. Первый этап связан с освоением конкретно-неопределенного значения («конкретный референт, известный говорящему» и «конкретный референт, неизвестный говорящему»); на первом этапе дети оперируют только местоимениями серии на *-то* вне зависимости от значения. На втором этапе возникает неконкретно-неопределенное (нереферентное) значение и серия на *-нибудь*, причем значение появляется раньше, чем его формальное выражение. На коротком отрезке времени между возникновением значения «неконкретный референт» и началом использования серии на *-нибудь* дети продолжают использовать серию на *-то* для выражения любой семантики неопределенности. Дальнейшее развитие системы неопределенных местоимений происходит, по-видимому, после 5–6 лет.

Процесс освоения дейктических единиц делится на три основных этапа: этап ранних местоимений, этап местоименного взрыва и этап поздних местоимений. Гра-

ница первого и второго этапа определяется следующими явлениями: местоименный взрыв (резкий рост числа местоименных словоформ в речи) и возникновение первых анафорических сочетаний. Граница второго и третьего этапа характеризуется тем, что резко возрастает число анафорических конструкций, что связано с развитием нарративно-анафорического аппарата; указательные и относительные местоимения начинают регулярно использоваться в анафорической функции. Все дейктические местоимения по этапу, на котором они начинают регулярно использоваться, можно разделить на «ранние» и «поздние». Так, к ранним местоимениям относятся *этот, я, мой* и т. д.; к поздним — *тот*, возвратные, притяжательные 3 лица, относительные.

Представляется возможным наложить две периодизации друг на друга. Этапу ранних местоимений ориентировочно соответствует период употребления отрицательного *никак*; большинство отрицательных и неопределенных местоимений возникают и начинают регулярно употребляться на этапе местоименного взрыва, чуть раньше или чуть позже. Граница между двумя первыми этапами освоения неопределенных местоимений очень приблизительно соответствует границе между этапами местоименного взрыва и поздних местоимений, то есть серия на *-нибудь* появляется примерно на том же этапе, что и притяжательные местоимения 3 лица, возвратные и относительные; неопределенное значение становится регулярным примерно в том же возрасте, что и нарративная анафора. При этом совмещение периодизаций ни у одного из детей не дает абсолютных совпадений по возрасту, и необходимо признать, что очевидной строгой взаимосвязи между дейктическими и кванторными местоимениями не обнаруживается.

Рассмотрим более частные дейктические эффекты.

Дейктические эффекты

Эгоцентрические неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения, как любые эгоцентрики, имеют определенную связь с персональным дейксисом и — шире — с полем личности. Значения неопределенных местоимений на *-то* и *кое-* привязаны к одному из элементов дейктического центра — говорящему. В речи детей, как уже упоминалось выше, оба конкретных неопределенных значения выражаются местоимениями на *-то*; местоимения на *кое-* в нашем материале не обнаружены. Значение «референт, известный говорящему», выраженное местоимением на *-то*, у двух детей в нашем материале является первичным; и у всех детей основная часть контекстов с местоимениями в этом значении относится к первому этапу освоения неопределенных местоимений (1).

(1) Р: Достанем **что-то**. — В: Достанем **что**? — Р: Да (Ваня, 2,6,18) — утвердительный ответ ребенка позволяет сделать вывод, что *что-то* обозначает здесь некий известный ему, но неизвестный взрослому предмет.

Из значения «известный говорящему» не обязательно следует значение «неизвестный слушающему», иногда имеет место некая неуверенность ребенка в обозначении референта: *куда-то* вместо *сюда/туда* (2, 3) и т. д.

(2) Р: Зайка. **Куда-то** пришел. — В: А **куда** он пришел? — Р: [К] **вещам** (Витя, 2,5,5) — ребенок точно знает, куда пришел персонаж игры, о чем свидетельствует его ответ.

(3) В: Где папа нашел грибочки? — Р: **Во там где-то** нашел. — В: **Где-то** нашел? **Ты не знаешь где?** — <...> Р: Там (Лиза, 2,8,25) — ребенок знает, где, но не уверен в своем ответе.

Можно предположить, что развитие неопределенного значения проходит в несколько этапов: «известный говорящему-

мне» — «неизвестный говорящему-*мне*» — «неконкретный». Чем ближе к центру поля личности (*я*) значение, тем раньше оно осваивается: «известный *мне*» лежит ближе к *я*, чем «неизвестный *мне*». Кроме того, «известный *мне*, но неизвестный *тебе*» содержит четкое противопоставление *я* — *ты*, что тоже, вероятно, помогает осознанию неопределенной семантики.

Подобная картина наблюдается и при освоении частных значений личных местоимений *мы* и *вы*: значения местоимений расширяются от первого лица к третьему. Значения местоимения *мы* возникают в следующем порядке: первым осваивается псевдоплюральное *мы* в значении *я*, затем возникают строго инклюзивный вариант (*мы* как *я* и *ты*) и нестрого инклюзивное *мы*, обозначающее активного говорящего и пассивного собеседника (ребенок совершает действие, взрослый наблюдает). Следом осваивается нестрого инклюзивное *мы*, обозначающее активного собеседника и пассивного говорящего (взрослый собеседник совершает действие, ребенок наблюдает). Последним появляется эксклюзивное *мы*. Значения местоимения *вы* осваиваются в следующем порядке: *вы* в игре в значении *ты*, затем инклюзивное *вы*, затем эксклюзивное *вы*. Таким образом, сначала возникает референция только к себе или только к собеседнику, затем к себе и собеседнику, затем к себе и третьему лицу / собеседнику и к третьему лицу. Чем дальше единица (или ее значение) отстоит от *я*-центра, тем позже она появляется и тем реже используется.

Возвращаясь к неопределенным местоимениям, отметим, что освоенное значение «неизвестный *мне*» далее расширяется до обще-неопределенного значения, из которого, в свою очередь, позже выделяется значение нереферентной неопределенности. Для детей, в материале которых первым появляется значение «неизвестный говорящему», видимо, характерно постепенное сужение общего неопределенного зна-

чения и менее актуальна связь с полем персональности.

Следует упомянуть дейктическое *кое-кто* в речи взрослых, обращенной к ребенку. Взрослые употребляют местоимения с приставкой *кое-* не только в прямом значении (4), но и иронически, обозначая самого ребенка: *кое-кто* = *ты* (5).

(4) *Давай мы кое-что наденем* (мать Лизы, ребенку 1,9) — взрослый знает, *что*; ребенок не знает.

(5) *Потому что их [игрушки] кое-кто разбрасывает по комнате* (мать Вани, ребенку 2,11) — *кое-кто* = *ты*, ребенок.

Учитывая, что в детской речи в нашем материале не обнаружены местоимения серии на *кое-*, подобный перенос у детей не фиксируется.

Эгоцентрическое *никак*

В речи детей некоторыми чертами эгоцентрика обладает также местоименное наречие *никак*. Как уже было сказано выше, оно возникает в речи на 4–6 месяцев раньше других отрицательных местоимений и используется для выражения значения «я не могу», «у меня не получается», при этом практически не имеет местоименно-отрицательного семантического компонента (6).

(6) *Мама, хочу [разобрать кассету] никак* (Филипп, 1,8) — ребенок пытается разобрать кассету, у него не получается.

После 3 лет число высказываний с *никак* уменьшается. Это может быть связано с тем, что ребенок «переключается» на глагольные способы выражения необходимой семантики — сочетания типа «не могу».

Таким образом, *никак* включает в себя семантику 1 лица (*я*) и оказывается связанным с центром поля персональности и персональным дейксисом. Следовательно, как любой элемент, близкий к центру поля персональности и дейктическому центру, *никак* осваивается сравнительно рано и используется сравнительно часто (ср. поведенческие местоимений *мой, этот*).

«Дейктическое» *какой-то*

Местоимение *какой-то* по своим функциональным особенностям отличается от прочих неопределенных местоимений и при этом отчасти сближается с указательным *такой*. Кроме собственно дейктических функций — указательной и анафорической, — местоимение *такой* в речи как взрослых, так и детей способно выполнять ряд периферийных функций, косвенно связанных с областью дейксиса. В первую очередь для него характерны поисковая функция и функция актуализации [11].

Сравним функционирование местоимений *такой* и *какой-то* в речи детей. Базовое значение серии на *-то* «неизвестный говорящему» (*какой-то* = «не знаю какой») распадается на два: строгая (ядерная) неопределенность и неуверенность. Первое значение присутствует в речи детей, но не является основным. Второе значение, в свою очередь, разделяется на два функциональных варианта. По аналогии с функциями местоимения *такой* мы обозначаем их как «поисковая функция» и «функция актуализации».

Такой в поисковой функции заполняет паузу hesitation, пока говорящий подыскивает нужное слово (в детской речи — забытое слово или отсутствующее в лексиконе (7)). *Какой-то* в «поисковой» функции вместо неопределенности признака выражает неопределенность референта — носителя признака; при помощи местоимения ребенок может выражать свою неуверенность в том, правильно ли он определил референт (объект внешней действительности), или подобрал существительное для его обозначения: *какой-то X* = «не уверен(а) / не знаю, правильно ли опознан / назван X» (8).

(7) *Такой дом такой, башня* (Ваня, 2,3,19) — ребенок не уверен, как правильно назвать сооружение, затем подбирает слово *башня*.

(8) *Какой-то заяц пришел. Это не заяц, а не знаю кто* (Лиза, 3,5,17) — ребенок ищет

и не находит наиболее подходящее, при этом значение неуверенности распространяется на референт — ‘не знаю, заяц ли это’.

Такой в функции актуализации используется, когда говорящий старается передать собеседнику наиболее точный образ предмета или наиболее ясное представление о ситуации (9). *Какой-то* в сходных контекстах при этом несет дополнительные семантические оттенки — неуверенности и эмфазы (10). В большинстве детских высказываний *какой-то* используется именно в «функции актуализации».

(9) *Где мультфильм такой про ослика Иа?* (Ваня, 2,7,15) — ребенок стремится наиболее точно описать собеседнику мультфильм.

(10) *Это кораблик какой-то я увидела* (Лиза, 3,0,12) — оттенок неуверенности практически отсутствует, поэтому употребление нельзя считать «поисковым».

Таким образом, местоимение *какой-то* в некоторых контекстах функционально близко к указательному *такой*. Это не говорит о том, что неопределенное *какой-то* приобретает строго дейктические черты, однако указывает на определенную связь с зоной дейксиса в широком понимании.

Выводы

Кванторные отрицательные и неопределенные местоимения в детской речи не имеют прямой связи с дейксисом, однако в некоторых случаях смыкаются с дейктическими и демонстрируют определенные дейктические эффекты.

Во-первых, периодизации освоения дейктических и кванторных местоимений имеют общие точки: этапу ранних дейктических местоимений соответствует период превалирования лексемы *никто*; граница между этапами местоименного взрыва и поздних дейктических местоимений приблизительно совпадает с моментом появления неконкретно-неопределенного значения и чуть позже — местоимений серии на *-нибудь*.

Во-вторых, кванторные эгоцентрики имеют отношение к полю персональности и области персонального дейксиса: чем ближе семантика к зоне *я*, тем раньше осваивается и тем чаще употребляется элемент. Это характерно для неопределенных местоимений со значением «референт, известный говорящему» (серия на *кое-* в стандартном русском языке, серия на *-то* в речи детей) и отрицательного *никак* в значении «не могу».

В-третьих, неопределенное *какой-то* по функционированию в детской речи сближается с указательным *такой*, что также связывает неопределенные местоимения с дейктическими.

В нашем материале не удалось обнаружить случаев анафоры к неопределенному или отрицательному местоимению (кванторное местоимение в роли антецедента для анафорического). В дальнейшем предполагается рассмотреть более широкий корпус записей речи детей, в том числе детей младшего школьного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / АН СССР, Ин-т лингв. исслед.; отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука: С.-Петербургское отделение ИЛИ АН СССР, 1991. С. 5–41.
2. Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.
3. Грунтова Е. С., Янович И. С. Дистрибуция русских относительных местоимений *кто (что) vs. который* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2007» / ред. Л. Л. Иомдин, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2007. С. 626–629.

4. Крылов С. А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: Семантика и грамматика: межвуз. сб. науч. тр. / Владимир. гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского; отв. ред. А. Б. Пеньковский. Владимир: ВГПИ им. П. И. Лебедева-Полянского, 1989. С. 5–12.
5. Кузин И. В. О проблеме понимания отрицательного «ничто» (на примере перевода трактата Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто») // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 67–74.
6. Лободанов А. П. Синтаксис и стиль местоимений. Главы из исторической грамматики итальянского языка. М.: БОС, 2015. 448 с.
7. Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Ин-т лингв. исслед. РАН; отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 92–121.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 480 с.
9. Падучева Е. В. Местоимения неизвестности (на *-то*). Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
10. Падучева Е. В. Местоимения слабой определенности (серия на *кое-*; серия на *не-*; *один*). Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
11. Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения *такой* в русской разговорной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 2. СПб.: Наука, 2010. С. 184–225.
12. Comrie B. Rethinking the typology of relative clauses // Language Design. 1998. № 1. P. 59–86.
13. Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997. 431 p.

REFERENCES

1. Bondarko A. V. Semantika litsa // Teoriya funktsionalnoj grammatiki. Personalnost. Zalogovost / AN SSSR, In-t lingv. issled.; отв. ред. А. В. Bondarko. SPb.: Nauka: S.-Peterburgskoe otdelenie ILI AN SSSR, 1991. S. 5–41.
2. Gak V. G. Funktsionalno-semanticheskoe pole predikatov lokalizatsii // Teoriya funktsional'noj grammatiki: Lokativnost. Bytijnost. Possessivnost. Obuslovlennost / Ros. akad. nauk, In-t lingv. issled.; отв. ред. А. В. Bondarko. SPb.: Nauka, 1996. S. 6–26.
3. Gruntova E. S., Yanovich I. S. Distributsiya russkikh otnositelnykh mestoimenij kto (chto) vs. kotoryj // Komp'yuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog 2007» / red. L. L. Iomdin, N. I. Laufer, A. S. Narin'yani, V. P. Selegej. M.: RGGU, 2007. S. 626–629.
4. Krylov S. A. O semantike mestoimennykh slov i vyrazhenij // Russkie mestoimeniya: Semantika i grammatika: mezhvuz. sb. nauch. tr. / Vladimir. gos. ped. in-t im. P. I. Lebedeva-Polyanskogo; отв. ред. А. В. Penvkovskij. Vladimir: VGPI im. P. I. Lebedeva-Polyanskogo, 1989. S. 5–12.
5. Kuzin I. V. O probleme ponimaniya otritsatel'nogo «nichts» (na primere perevoda traktata Zh.-P. Sartra «Bytie i nichts») // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 393. S. 67–74.
6. Lobodanov A. P. Sintaksis i stil mestoimenij. Glavy iz istoricheskoy grammatiki italyanskogo yazyka. M.: BOS, 2015. 448 s.
7. Onipenko N. K. Model' suektnoj perspektivy i problema klassifikatsii ehgotsentricheskikh ehlementov // Problemy funktsionalnoj grammatiki: Printsip estestvennoj klassifikatsii / In-t lingv. issled. RAN; отв. ред. А. В. Bondarko, V. V. Kazakovskaya. M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2013. S. 92–121.
8. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativna. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1996. 480 s.
9. Paducheva E. V. Mestoimeniya neizvestnosti (na *-to*). Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi. M., 2016.
10. Paducheva E. V. Mestoimeniya slaboj opredelennosti (seriya na *coe-*; seriya na *ne-*; *odin*). Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi. M., 2016.

11. *Satyukova D. N., Voejkova M. D.* Osobennosti funkcionirovaniya mestoimeniya takoj v russkoj razgovornoj rechi // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanij RAN / Ros. akad. nauk, In-t lingv. issled.; otv. red. N. N. Kazanskij. T. VI. ČH. 2. SPb.: Nauka, 2010. S. 184–225.*
12. *Comrie B.* Rethinking the typology of relative clauses // *Language Design. 1998. № 1. P. 59–86.*
13. *Haspelmath M.* Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997. 431 p.

Г. Р. Доброва

ИНВАРИАНТНОЕ И ВАРИАТИВНОЕ В РЕЧЕВОМ ОНТОГЕНЕЗЕ: ВЗГЛЯД ОНТОЛИНГВИСТА

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 14-18-03668
«Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции
на ранних этапах развития ребенка»

Предлагаются две трактовки вариативности речевого онтогенеза — а) широкая (речь монолингвов / билингвов; детей с нормальным / не соответствующим норме речевым развитием) и б) узкая (вариации в речевом онтогенезе детей-монолингвов с нормальным речевым развитием). Рассматриваются различия в речевом онтогенезе, обусловленные типологическим, гендерным и социокультурным факторами и наличием/отсутствием у детей старших сиблингов. Говорится о более плавном речевом развитии девочек и более резком, скачкообразном — мальчиков. Выявляется большая склонность девочек к обозначению формы предметов, а мальчиков — к обозначению их функции. Делается вывод, что изучение вариативного в речевом онтогенезе не менее значимо, чем изучение инвариантного.

Ключевые слова: вариативность речевого онтогенеза, речь референциальных / экспрессивных детей, речь детей из семей с высоким / низким социокультурным статусом, речь мальчиков / девочек.

G. Dobrova

INVARIANT AND VARIABLE FEATURES IN CHILD LANGUAGE ACQUISITION: AN ONTOLINGUIST'S VIEW

Two interpretations of child language acquisition variability are proposed: a) a broad one (speech of monolingual / bilingual children, of children with normal / abnormal speech development) and b) a narrow one (variations in language acquisition patterns in monolingual children with normal speech development). Differences caused by typological, gender and sociocultural factors and by the presence or absence of elder siblings are considered. It is argued that girls' speech has a smother development pattern than boys' speech, which develops more abruptly and explosively. A greater tendency for girls to designate an object's shape and for boys to designate its function is revealed. It is concluded that the study of variable features in child speech acquisition is no less significant than that of invariant ones.

Keywords: child language acquisition variability, speech of referential / expressive children, speech of children from families with high / low socio-cultural status, speech of boys / girls.

Речевой онтогенез является объектом интереса специалистов разных научных областей. Он интересует психологов, педа-

гогов, лингвистов. У специалистов каждой из названных областей — свой взгляд на речь ребенка и своя зона интереса. В данном